

Жигулина Олеся Александровна
магистрант юридического факультета
ФГБОУ ВО «БГУ»

Науменко Екатерина Николаевна
ст. преподаватель кафедры уголовного процесса
юридического факультета ФГБОУ ВО «БГУ»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ КАК НАИБОЛЕЕ СУРОВАЯ МЕРА ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация: Традиционно в российской судебной практике вопрос содержания под стражей как наиболее суровой меры пресечения решался исключительно с позиции удовлетворения ходатайств следствия. После указаний Пленума Верховного суда РФ (2013 г.) он по-прежнему решается не в полном соответствии с требованиями п. 1 ст. 5 Конвенции, где приоритетом является не вопрос о том, «успевает» ли следствие, укладывается ли оно в сроки, отведенные законом, или нет, а вопрос о наличии объективных данных, тщательный анализ которых судом, способен обосновать необходимость применения такой суровой санкции, связанной с заключением под стражу. ЕСПЧ рассматривает такие нарушения как несовместимые с международно-правовым принципом защиты от судебного произвола. В скорректированной Верховным Судом судебной практике оставление подозреваемого под стражей, все ещё часто основывается не на «конкретных фактах», а на необходимости продлить срок предварительного следствия. Таким образом, заключение под стражу, оставаясь наиболее суровым из расширенного арсенала мер пресечения, признается судами обоснованным, прежде всего по аргументам сроков предварительного следствия, а не требований п. 1 ст. 5 Конвенции.

Ключевые слова: заключение под стражу, мера пресечения, уголовный процесс, санкция на арест, Европейский суд по правам человека, Европейская конвенция, Верховный Суд Российской Федерации.

Detention as the most severe measure of restraint against the suspect, the accused in the Russian criminal process

Abstract: Traditionally in the Russian judicial practice the issue of detention as the most severe measures were decided only with approvals of the investigation. After the instructions of the Plenum of the Supreme court (2013) it is still not solved in full compliance with the requirements of paragraph 1 of article 5 of the Convention, where the priority is not the question of "time" if the consequence, if it fits within the time allotted by the law or not, and the question about the existence of objective data, careful analysis of which the court is able to justify the use of such harsh sanctions related to detention. The ECHR considers such violations as incompatible with the international legal principle of protection against judicial tyranny. As amended by the Supreme Court judicial practice, leaving the suspect in custody is still often based not on "specific facts," but on the need to extend the term of preliminary investigation. Thus, detention remains the most severe of the advanced Arsenal of preventive measures, it is recognized by the courts to be justified primarily by arguments of terms of preliminary investigation and not the requirements of paragraph 1 of article 5 of the Convention.

Key words: detention, preventive measure, criminal procedure, arrest warrant, European court of human rights, the European Convention, the Supreme Court of the Russian Federation.

Со вступления в силу действующего российского уголовно-процессуального закона, была легитимизирована новая процедура заключения под стражу подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, а именно исключительно на основании судебного решения. Такое решение законодателя было связано с тем, что наиболее суровая из мер пресечения на момент вступления в силу УПК РФ[1] применялась чрезвычайно широко. В 2002 г. процент удовлетворенных ходатайств об избрании указанной меры пресечения превышал 95 %[2]. Законодатель исходил из потребности снижения этого количества, однако, по данным российских исследователей, на практике существенных изменений не произошло. Так, в 2010 г. судами удовлетворялось более 90% обозначенных ходатайств, а в части продления – 98%[2]. Аналогичной ситуация оставалась и в 2016 г. и это несмотря на то, что арсенал мер пресечения по сравнению с 2002 г. расширился. При этом, нередко арест избирается в виде меры пресечения для лиц, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы[3, с. 22].

В соответствии с ч. 3 ст. 108 УПК РФ в случае необходимости избрания мерой пресечения заключения под стражу, следователь с согласия руководителя следственного органа, либо дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство, где приводит мотивы и основания, обосновывающие применение данной меры, с указанием на невозможность избрания иной, более мягкой меры пресечения. Ходатайство сопровождается материалами, подтверждающими его обоснованность: копией постановлений о возбуждении уголовного дела, привлечения лица в качестве обвиняемого и др. Указанные материалы должны подтвердить обстоятельства прямо и объективно указывающие на необходимость избрания именно такой, крайней меры пресечения.

В соответствии с требованиями закона ходатайство рассматривается единолично судьей в районном либо военном суде в течение восьми часов с момента поступления материалов, с участием подозреваемого, обвиняемого, а также прокурора и защитника (при его участии в деле). По результатам рассмотрения, судья выносит постановление в соответствии с ч. 7 ст. 108 УПК РФ. Практика показывает формальность указанной процедуры, в решениях судов, как правило, просто перечислены основания для ареста, указанные в ст. 97 УПК РФ. В литературе принято указывать, что основным аргументом суда в пользу данной меры пресечения остается тяжесть инкриминируемого лицу преступления[2].

В многочисленных уголовных делах 1990 г.- начала 2010 годов ЕСПЧ выявлял несоответствие решений российских судов о содержании под стражей целям, указанным в п. 1 ст. 5 Конвенции, отмечая при этом, что суды не представляли доводов, обосновывающих оставление заявителя под стражей. ЕСПЧ неоднократно акцентировал внимание на то, что отсутствие доводов, рассмотренных и положенных в основу судебного решения (санкции содержания под стражей), несовместимо с базовым принципом защиты от судебного произвола (п. 1 ст. 5 Конвенции)[4].

Несмотря на неоднократные решения ЕСПЧ, действие норм Конвенции, их соответствующее закрепление в УПК РФ, российская судебная практика до начала 2010 годов не менялась. Лишь с учетом указаний, содержащихся в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», суды, особенно рассматривая ходатайства о продлении срока содержания под стражей, стали более тщательно проверять обоснованность доводов органов предварительного следствия.

Применительно к теме статьи считаем необходимым отметить, что судебная практика, в части требуемой Верховным Судом проверки нередко

направлена не на выяснение фактического обоснования и предполагаемой целесообразности избрания или изменения меры пресечения подозреваемому или обвиняемому, а на установление «невозможности своевременного окончания расследования».

Приведем типичный пример, выявленный нами при анализе нескольких десятков дел последнего времени. Так, например, рассматривая 24.05.2017 г. апелляционную жалобу обвиняемого на постановление районного суда, суд апелляционной инстанции Липецкого областного суда, заслушал доводы защиты, просившей отменить постановление суда, и, соответственно, отказать в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Защита указала на нарушение положений ст.ст. 97, 99, 108 УПК РФ, отсутствие достаточных доказательств того, что при избрании менее суровой меры пресечения, включая домашний арест, обвиняемый сможет воспрепятствовать производству по уголовному делу. Также защита обратила внимание суда на не судимость, не привлечение ранее к уголовной и административной ответственности обвиняемого, наличие у него постоянного места жительства, высшего образования и работы. Защита указала на отсутствие фактов, могущих указывать, что обвиняемый пытался совершить действия, указанные в ст. 97 УПК РФ, а подозрение его в совершении тяжкого преступления, равно как и не признание вины не свидетельствуют о строгой необходимости избрать именно самую суровую меру пресечения, например, домашний арест.

Суд апелляционной инстанции не нашел предусмотренные УПК РФ основания для отмены или изменения решения суда первой инстанции, однако сослался при этом на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 109 УПК РФ, при невозможности закончить предварительное следствие в срок до 2 месяцев, а также при отсутствии оснований к изменению (отмене) меры пресечения, данный срок может быть продлен до 6 месяцев.

Апелляционный суд правильно указал, что согласно положениям ст. 110 УПК РФ мера пресечения отменяется, если в ней отпала необходимость, или изменяется на менее суровую, если исчезли основания для ее избрания (ст. ст. 97, 99 УПК РФ).

При этом, суд ревизионной инстанции руководствовался п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41, в первую очередь проверял, не доводы защиты, как этого следовало ожидать, а обоснованность доводов следствия о невозможности своевременного окончания расследования. Именно вопрос того успевают ли следствие собрать необходимые доказательства был приоритетом, а не право обвиняемого на смягчение меры пресечения.

Следуя п. 21 Постановления Верховного Суда суд проверил наличие на момент рассмотрения вопроса о мере пресечения предусмотренных ст. 97 УПК РФ оснований, подтвержденных достоверными сведениями и доказательствами. Также апелляционный суд пришел к выводу о том, что суд учел («вопреки доводам жалобы») обстоятельства, указанные в ст. 99 УПК РФ, а также иные обстоятельства, приведенные в обоснование продления срока заключения под стражу.

Обратим внимание на аргументацию суда апелляционной инстанции. Из представленного следствием материала, суд усмотрел, что в срок содержания обвиняемого под стражей «следствие не могло быть окончено... по объективным причинам» (требовалось получить заключения экспертиз, а также «дать действиям обвиняемого окончательную юридическую оценку»).

В данном случае мы обратили внимание на типовой, сложившийся в судебной практике, порядок рассмотрения вопросов ареста и продления срока содержания под стражей, когда приоритет имеют «производственные» вопросы следствия, не укладывающегося в сроки, установленные УПК РФ.

И лишь во вторую очередь, суд анализирует наличие предусмотренных законом оснований для изменения или отмены меры пресечения в виде

содержания под стражей, которых, как правило, «не имеется». При этом в анализируемом случае, суд явно вышел за пределы своих полномочий на данной стадии, установив «причастности обвиняемого к совершению преступления» на основе «материалов дела»: экспертных заключений и показаний свидетелей. В итоге все свелось к прежней, существовавшей до постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41, практике, когда необходимость наиболее суровой меры пресечения была обусловлена совершением особо тяжкого преступления, имеющего повышенную общественную опасность, с учетом того, что санкция за такое преступление предусматривала наказание исключительно в виде лишения свободы сроком более восьми лет.

В то же время, нельзя не отметить, что суды первой и второй инстанции, хотя и во вторую очередь, уже указав на полную невозможность изменения меры пресечения в виде содержания под стражей, все же проверили доводы защиты. Суд, «с учетом тяжести обвинения», указал на отрицательную характеристику участкового уполномоченного полиции и показания свидетелей и понятых, из которых следует, что в ходе обыска по месту проживания обвиняемого, тот угрожал их жизни и здоровью. В этой связи, суд имел основания сделать вывод об опасности оставления обвиняемого на свободе. Также суд проверил наличие обстоятельств, указывающих на невозможность содержания обвиняемого под стражей по состоянию здоровья. В итоге, не было выявлено судом апелляционной инстанции и не было допущено судом первой инстанции, нарушений норм УПК РФ, Конституции РФ, а также международных норм, которые бы влекли изменение меры пресечения на менее суровую. Соответственно, срок содержания обвиняемого под стражей был признан «разумным и необходимым для окончания расследования уголовного дела»[5].

Учитывая приведенные выше указания Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 г. №41, суды в своих решениях по вопросам избрания (продления)

меры пресечения ссылаются на международное право. Речь идет, прежде всего, о статье 5 Европейской конвенции, которая во взаимосвязи со ст. 22 Конституции России, регламентирует право на защиту свободы личности от незаконного и необоснованного посягательства со стороны государства. Отметим, что на фоне активного обсуждения, в том числе и на высшем политическом уровне, вопросов защиты предпринимателей от правоохранительных органов, проблематика незаконного ареста и избрания меры пресечения в виде незаконного содержания под стражей, остро актуальна и стоит в центре внимания исследователей. Президент России неоднократно обращал внимание на то, как предпринимателей арестовывают лишь затем, чтобы «отжать» бизнес. При этом «сотрудники правоохранительных органов преувеличивают или, так скажем, превышают свои полномочия и, действуя таким образом, разрушают так нужную нам благоприятную бизнес-среду»[6].

В этой связи Верховный и Конституционный суды, неоднократно обращаясь к вопросу о гарантиях судебной защиты прав и свобод при применении меры пресечения в виде заключения под стражу, учитывая положения и практику применения Конвенции, многочисленные постановления ЕСПЧ, в том числе в отношении России, сформулировали несколько важных правовых позиций.

Речь идет, прежде всего, о Постановлении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П[7], а также о постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года № 41. Исходя из указанных документов, основываясь на гарантиях, предоставляемых ст. 22 Конституции России и ст. 5 Конвенции, человек и гражданин должен быть защищен от произвольного и необоснованного лишения свободы.

Допуская возможность ограничения прав и свобод человека, исключительно в целях установленных законом, законодатель установил баланс между правом личности на свободу и обязанностью государства обеспечить публичные интересы. Именно по этому вопросу к Российской

Федерации все ещё много претензий в связи с большим потоком жалоб на указываемые заявителями нарушения ст. 5 Конвенции в части права на свободу и личную неприкосновенность.

При этом везде, где затрагиваются основания для лишения свободы, приоритетно соблюдение принципа правовой определенности, который, собственно и служит базой всего прецедентного права, формируемого ЕСПЧ по данному вопросу. Речь идет о том, что в национальном праве условия помещения под стражу должны быть непротиворечиво и понятно определены. Так, по делу «Насруллоев (Nasrulloev) против Российской Федерации» (жалоба № 656/06), ЕСПЧ сделал вывод о том, что положения национального законодательства России, регулирующие содержание под стражей (в данном случае – для цели выдачи), не точным и не дают возможность предвидеть последствия их применения. Таким образом, они не соответствуют стандарту Конвенции. Суд пришел к выводу, что заявитель не получил защиты от произвольного содержания под стражей[8].

Осуществляя «мягкий» контроль национального законодательства, как полагает ряд авторов, практика ЕСПЧ направляет «вектор развития национального права», в плане его ясности и предсказуемости, чтобы субъекты правоотношений могли предвидеть последствия его применения и строить из этого свое поведение, включая защиту прав[9].

Таким образом, в российской судебной практике, вопрос применения содержания под стражей как наиболее суровой меры пресечения, по прежнему решается не в полном соответствии с требованиями п. 1 ст. 5 Конвенции, где приоритетом является не вопрос о том, «успевает» следствие или нет, а наличие и тщательный анализ обоснования санкции, связанной с заключением под стражу. Такого рода нарушение традиционно оценивается ЕСПЧ как несовместимое с международно-правовым принципом защиты от судебного произвола. На практике оставление подозреваемого под стражей, базируется чаще не на «конкретных фактах», а на «производственной» необходимости

следствия, которое не укладывается в отведенный УПК РФ срок предварительного следствия. В этой связи заключение под стражу, как наиболее суровая из мер пресечения выступает в большей степени в виде страховки сроков предварительного следствия, отклоняясь тем самым от требований п. 1 ст.5 Конвенции.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017)// *Собрание законодательства РФ*. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Максимов О. А. Проблемы избрания меры пресечения в виде заключения под стражу на досудебной стадии уголовного процесса // *Общество и право*. 2012. №5 (42).
3. Курченко В.Н. Избрание ареста в отношении лиц, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы// *Уголовный процесс*. 2014. № 2 (110). С. 20-27.
4. Дело «Шапошников (Sharoshnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 8998/05).
5. Суд апелляционной инстанции Липецкого областного суда Решение по делу 22К-789/2017 от 24 мая 2017 г.// <https://rospravosudie.com/court-lipeckij-oblastnoj-sud-lipeckaya-oblast-s/act-556778921/>
6. Путин В.В. Выступление на Заседании рабочей группы по мониторингу и анализу правоприменительной практики в сфере предпринимательства 23 марта 2016 года URL <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51556>
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан»// *Собрание законодательства РФ*. 2005. N 14. Ст. 1271/
8. Дело «Насруллоев (Nasrulloev) против Российской Федерации» (жалоба № 656/06).
9. Амасьянц А.Э., Штоян Г.В. К вопросу об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока её действия в свете правовых позиций Европейского Суда по правам человека // *Евразийская адвокатура*. 2016. №2 (21) С.30-37.